

Причины поражения русской армии в Русско-японской войне: оперативная точка зрения

Джон В. Стейнберг

ОШЕЛОМЛЯЮЩИЙ УСПЕХ японской армии на Маньчжурском оперативном театре в ходе Русско-японской войны послужил сигналом начала новой эры¹. Этот часто забываемый конфликт имел глубокое значение для истории Азии, России, военной и, по существу, всей мировой истории. В ходе этой войны массовые армии, формировавшиеся по призывному принципу, впервые использовали на поле боя в Азии технологически сложное оружие промышленной революции. Тактическая и оперативная доктрины, однако, не были достаточно разработаны для того, чтобы оценить смертоносную среду современного поля боя, и вследствие этого гибель солдат происходила в масштабах, предвещавших Первую мировую войну. Передвижение войск на поле боя или отход с него, зависимость от боеприпасов, необходимых для скорострельной артиллерии и пулеметов, потребность в других материалах, нужных для эффективных действий солдат, стали большой проблемой для планирования и систем снабжения обеих армий. Более того, расходы на закупку снаряжения, необходимого для борьбы в этом конфликте, ввергли обе страны в серьезный финансовый кризис. Японцы начали поиск мира после того, как русский флот был уничтожен в Цусиме, поскольку потеряли доступ к внешним займам. Ошеломляющая и решительная победа возвестила о появлении азиатской державы, заставившем соседей Японии, великие европейские державы и Соединенные Штаты, пересмотреть баланс международных отношений на заре нового века.

После маньчжурского поражения ошеломленное русское общество, уже находившееся в замешательстве после революции 1905 г., потребовало объяснений по поводу поражения вооруженных сил на Дальнем Востоке. Дискуссия о причинах поражения охватывала все: от расстояния от поля боя до основных баз операций армии в европейской части до распа-

да тыла в результате всеобщего мятежа. Однако в период, последовавший непосредственно за окончанием боевых действий, вина за неспособность армии выиграть одно важное сражение возлагалась на главнокомандующего Маньчжурской армии генерала А.Н. Куропаткина. Его неустанное следование тому, что стало известно как «куропаткинская стратегия», свелось в лучшем случае к нерешительности, а в худшем – к неспособности привести армию к победе. Хотя его вина в этих поражениях была огромной, одна бездарность Куропаткина как командующего не дает полного объяснения результатов войны. В своей ставшей классической книге «Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней» А.А. Свечин приходит к выводу, что «оперативная упадочность» привела к поражению русской армии в Маньчжурии, а последующие исследователи пытались определить, какие конкретные аспекты военной деятельности России привели к азиатскому фиаско. Определенно, Куропаткин сыграл свою роль в этой оперативной упадочности, но проблемы русской армии лежали намного глубже, нежели в качествах одного руководителя.

Настоящая статья посвящена первым пяти месяцам войны, от атаки на Порт-Артур до сражения при Вафангоу, и тщательно рассматривает разнообразные опубликованные рапорты и мемуарную литературу, посвященную оперативным действиям императорской русской армии². Целью настоящего анализа является более точное определение того, что Свечин подразумевал под «оперативной упадочностью», и поиск объяснения, почему русской армии не удалось выиграть ни одного существенного сражения этой войны. Сражение под Вафангоу, известное в англоязычном мире как Телиссу (Telissu), произошло в мае–начале июня 1904 г. и явилось первой переломной точкой в войне, поскольку вплоть до этого столкновения российский политический и военный аппарат, принимавший военные решения, был поглощен спорами о том, как следует определять и затем проводить большую стратегию войны³. То обстоятельство, что эти споры происходили в разгар боевых действий, является одной из фундаментальных причин поражения русской армии в Маньчжурии. Тщательное исследование сражения под Вафангоу еще более явно демонстрирует оперативную слабость императорской армии. По мере того как сражение разворачивалась, становилось ясно, что действия армии страдают от плохой тактической разведки, слабого командования и управления оперативными элементами вследствие плохой сети коммуникаций. Что еще важнее, изучение сражения под Вафангоу доказывает также слабость подготовки русского офицерского корпуса. К тому времени, когда императорская армия развернулась в Азии, русские офицеры стали мастерами в войне не за победу, а за сохранение личной репутации. Наконец, изучение ранних фаз русско-японской войны показывает также, что пока русские спорили

о большой стратегии, японцы методично перехватывали инициативу и, не колеблясь, неустанно преследовали свои стратегические цели, а именно это и оказалось решающим в их победе.

Стратегические варианты и путь к Вафангоу

ОДНИМ из первых актов Николая II времен войны стало назначение Куропаткина командующим Маньчжурской армией, что дало популярному в обществе, но политически исчерпавшему себя военному министру тот шанс всей его жизни, к которому он готовился и интеллектуально, и практически⁴. Однако это назначение создало также и затяжной конфликт в армейском командовании, который оказал драматическое влияние на военную эффективность. Во-первых, Куропаткин должен был сформировать командование после начала военных действий, и эта задача явно противоречила постоянно действующим приказам по переводу армии из мирного в военное состояние⁵. Далее, Куропаткин должен был приехать на Дальний Восток, его путешествие заняло более полумесяца, и за это время принимались решения, влиявшие на ход войны. Лицом, принимавшим эти решения, был личный представитель царя адмирал Е.И.Алексеев, назначенный наместником с момента образования в 1903 г. Дальневосточного генерал-губернаторства. Алексеев (внебрачный сын Александра II и, следовательно, дядя Николая II), имел хорошие связи с императорским двором, и хотя у него были советники из флота, обычно считается, что генерал-губернатор имел тесные связи с кликой Безобразова, которая рассматривала экспансию в Маньчжурию исключительно с экономической точки зрения. Хотя Куропаткин, после того как стал главнокомандующим Маньчжурской армией, технически был подчинен Алексееву, но бывший военный министр испытывал мало почтения к идеям адмирала и поэтому отказывался действовать в соответствии с его приказами⁶.

Хуже того, Куропаткин и Алексеев имели радикально различавшиеся взгляды на методы ведения войны. Алексеев, под давлением своих гражданских покровителей и морских советников, выступал за стратегический план, основанный на отправке Балтийского флота в плавание вокруг света для освобождения Порт-Артура и возобновления контроля над морем. Куропаткин не верил в эту стратегию с приоритетом военно-морского флота и вместо этого хотел вести только операции по задержанию и обороне, дожидаясь концентрации превосходящих сил, необходимых для начала стратегической наступательной операции по вытеснению японцев с Ляодунского полуострова. К прибытию Куропаткина на оперативный театр 15 марта 1904 г. японцы деморализовали русский флот под

Порт-Артуром в результате внезапной атаки 8 февраля и разнообразных беспокоящих маневров⁷. Одновременно японцы высадили войска на Корейском полуострове и к середине марта приблизились к реке Ялу. Объединенная морская и сухопутная атака послужила проверкой смелости русского военного и военно-морского руководства во главе с адмиралом Алексеевым, ясно показав, что они теряли самообладание, пытаясь привлечь все средства империи на защиту Порт-Артура. С другой стороны, Куропаткин прибыл на Дальний Восток с намерением вести на оперативном театре продолжительные оборонительные действия, одновременно медленно наращивая организационную структуру дальневосточных сил⁸.

Различное понимание ведения войны у Куропаткина и Алексеева в первую очередь касалось вопроса о том, что делать с Порт-Артуром. Руководство флота полагало, что возобновление контроля над морем с целью предотвращения доступа японских сил к театру военных действий и эффективного пресечения путей снабжения и коммуникаций заставит противника сдаться. Удержание Порт-Артура было ключевым моментом для этого построения, поскольку выполнение этой стратегии зависело от подхода подкреплений от другого флота империи. Вероятно, имелся в виду Балтийский флот, поскольку в соответствии с международными соглашениями Черноморский флот не мог пройти через Дарданеллы. Это предприятие изобиловало сложностями, такими как вопрос о том, где Балтийский флот будет в походе ремонтироваться, пополнять запасы и, самое главное, заправляться топливом, и что случится, если после того, как они совершат почти кругосветное плавание, Порт-Артур сдастся японцам? Куропаткин, однако, считал, что Порт-Артур может выдержать длительную осаду без подкрепления с моря или дополнительного усиления за счет организационной структуры армии. Он выступал в пользу продолжительной осады, поскольку в этом случае японцам пришлось бы расходовать свои ресурсы, в то время как русская армия получала дополнительное время для наращивания численного превосходства для решающего удара. Эти два стратегических плана составили рамки той дискуссии, в которой запугалось военное и политическое руководство России в течение первой фазы боевых действий.

После прибытия на Дальний Восток Куропаткин направил свою деятельность на концентрацию сил вдоль оси, проходившей от Харбина через Мукден к Ляояну, одновременно приняв решение, что последняя точка этой оси станет местом решающего сражения. Его способ действий остался односторонним и сосредоточенным только на большом численном превосходстве в стиле Наполеона. Как отметил генерал Геруа, Куропаткин намеревался вступить в сражение с японцами только после того, как будет уверен в том, что размер его армии гарантирует победу⁹. Если

бы Куропаткин смог следовать этой стратегии, ему нужна была бы надежная оценка разведки насчет того, оставляют ли планы Японии в отношении северо-восточной Азии достаточное время для наращивания русских сил. Внезапная атака на Порт-Артур и высадка войск в Корею указывали на то, что японцы стремились как минимум удерживать контроль над морем и затем нанести поражение русским прежде, чем те смогут перебросить свои численно превосходящие силы из Европы и России в Маньчжурию. Несмотря на растущее давление со стороны японцев, Куропаткин сохранял твердость. Он намеревался в течение шести месяцев наращивать организационную структуру, и поэтому разделил свои армии на три отряда: восточный, западный и южный, а подкрепления были приписаны к зонам безопасности, где они должны были укреплять силы¹⁰.

Внезапная атака на Порт-Артур успешно сдержала русский флот, но флот тем не менее сохранился как действующий и в качестве такового представлял собой угрозу всем японским операциям в Корею, зависевшим от снабжения из Японии. Хотя японцы по-прежнему были озабочены потенциальной угрозой выхода русского флота из Порт-Артура или из Владивостока, их план операций требовал решительных действий, поскольку время было не на их стороне. Поэтому японцы немедленно продемонстрировали желание рискнуть, приняв решение высадить войска на Корейском полуострове в Чемульпо (ныне Инчхон) в первый день войны. Таким образом, Первая армия Японии под командой генерала Куроки без помех двинулась по Корею на север с целью пересечь реку Ялу и создать угрозу русским позициям на полуострове Ляодун. Японское вторжение в Корею сначала шло черепашьям шагом из-за зимней погоды, а затем из-за весенней оттепели, и в обоих случаях передвижение по стране без современных дорог было проблематичным. В результате медленного нарастания японской угрозы со стороны Кореи Куропаткин позволял себе роскошь игнорировать надвигающуюся на него бурю¹¹.

Когда к середине апреля японцы достигли Ялу, дезорганизация системы российского командования на Дальнем Востоке стала очевидной и продемонстрировала раздробленный порядок принятия решений. В соответствии со своими стратегическими взглядами, Куропаткин приказал командующему Восточным отрядом генералу М.И.Засуличу вступить в задерживающие действия, но избегать решающего столкновения. Как вскоре стало известно Куропаткину, Засулич, жаждавший славы, обратился к Алексееву, который приказал ему удерживать японцев даже с риском решающего сражения. Тем самым Засулич, благодаря своим собственным усилиям, получил два различных и противоречащих друг другу приказа. В результате командиры русской армии шли в бой с противоречивыми приказами, что стало символическим для ошибочной системы командования и

управления императорской армии. Но мало того, Засулич ввязался в сражение, не предприняв никаких попыток установить, каковы силы, позиции и передвижения японцев. Его некомпетентность привела к первому большому поражению России от рук азиатского противника – и Россия, и мир были потрясены¹². Последствия этого поражения были весьма существенны, поскольку не предполагалось, что Россия будет проигрывать Японии малые или большие сражения. Что еще более важно, Куропаткин, лучше всех в Маньчжурии понимавший динамику положения генерал-губернатора в политической/военной структуре империи, предпочел проигнорировать присутствие Алексеева и не стал консультироваться с ним о действиях Восточного отряда Засулича. Конечным результатом стало то, что два верховных командующих на театре операций выпускали конфликтующие приказы, что прямо способствовало поражению.

Тем временем, Вторая армия Японии под командованием генерала Оку направилась к морю, и когда появилась определенность насчет столкновения при Ялу, то, пользуясь уроками победы Куроки, армия высадилась в 60 километрах к северу от Дальнего, подготовив положение для сражения при Няншане¹³. Пока 2-я армия Оку готовилась к атаке в самом узком месте Ляодунского полуострова, 4-я армия Японии под командованием генерала Нодзу наращивала силы при Такушане, около 35 километров к западу от устья реки Ялу. В результате этих действий японцев русские войска столкнулись с несколькими угрозами и не смогли адекватно ответить ни на одну из них. Во-первых, 1-я армия Куроки выдвинулась в сторону Ляояна, 4-я армия Нодзу защищала ее фланг. Далее, 12 мая Оку начал сильную атаку на хорошо укрепленные позиции русских при Няншане (Циньчжоу), примерно в 15 милях к северу от Дальнего. В этой кровавой битве русская армия выяснила решимость японских солдат и их непреклонность в бою. Более того, хотя командующий войсками в Няншане полковник Третьяков выказал мужество, он был предан своими начальниками, генералом А.Ф.Фоком в Дальнем и генералом Стесселем в Порт-Артуре, которые оба отказались послать подкрепления в момент, когда японцы по мелководью стали охватывать левый фланг Няншанской позиции. В результате некомпетентности Фока и Стесселя Дальний был захвачен, что давало японцам жизненно важный порт в 30 милях от Порт-Артура. Наконец, была перерезана железная дорога, соединявшая Порт-Артур с Россией, и началась осада крепости¹⁴.

Пока нежелание Куропаткина вступать в сражения и рисковать войсками быстро становились легендарными, его коллеги из армии и флота начинали панически бояться падения Порт-Артура, в результате чего на Куропаткина со всех сторон усиливалось давление, с требованием немедленного освобождения осажденной крепости. Но Куропаткин

настаивал на том, что Порт-Артур хорошо снабжен и укреплен и сможет выдержать продолжительную блокаду, связывая большое количество японских ресурсов. Поэтому он отказывался пересмотреть свои планы относительно ведения войны¹⁵. Более того, он опасался, что движение русских сил на юг даст Куроки возможность начать на востоке атаку всеми силами на пункт сосредоточения русских, Ляоян. Если бы такая атака произошла, Россия, очевидно, проиграла бы войну до того, как у нее появилась возможность сосредоточить в Азии численно превосходящие силы¹⁶. Найдя поддержку в штаб-квартире Куропаткина, Алексеев и его сторонники выступали за то, что Порт-Артур нужно удерживать любой ценой. Но скоро им пришлось обнаружить, что Куропаткин просто не собирается пересматривать свои планы по наращиванию сил войск перед тем, как куда-либо отправить армию¹⁷. Такая убежденность (с точки зрения Куропаткина) или неподчинение (по мнению Алексеева) в конечном счете привели к апелляциям к царю, а затем и его вмешательству.

В телеграфных депешах двое верховных командующих на Дальнем Востоке представляли, соответственно, свои мнения царю, который, перед тем как принять решение, сделал необычайный шаг и созвал специальный Военный Совет из военного министра генерала Сахарова, морского министра адмирала Авелана и министра внутренних дел Плеве. После этой встречи царь уведомил Алексеева, что он одобряет его подход к проведению операций на Дальнем Востоке¹⁸. Это решение было эквивалентно приказанию Куропаткину следовать стратегическому плану Алексеева. Спасение Порт-Артура стало доминировать в планировании действий русской армии на стратегическом уровне, поскольку политики в Санкт-Петербурге, во главе с царем, пришли к заключению, что для победы в войне необходим контроль над морем. На оперативном уровне защита Порт-Артура была необходима для обеспечения контроля над морем, для того чтобы Балтийский флот после прибытия на Дальний Восток имел оперативную базу. Помимо внутренней политики, вопросы международного престижа также, возможно, сыграли роль в принятии этого решения. Поражения в сражениях при Ялу и Няншане плохо выглядели и в отечественной прессе, и в глазах всего мира, поэтому сдача Порт-Артура произвела бы катастрофическое впечатление о неспособности России выиграть войну¹⁹. И все-таки, когда Николай II принимал решение следовать стратегии защиты Порт-Артура, он принимал его вследствие успехов японской армии на театре военных действий. Успех японской армии предопределил стратегический ответ России на раннем этапе войны!

СРАЖЕНИЕ ПОД ВАФАНГОУ

Куропаткин как минимум не хотел приказывать армии вступить в боевые действия, но, как он замечает в своем «Кратком очерке», 23 мая 1904 г. он получил приказ царя выступить для освобождения Порт-Артура²⁰. Хотя Куропаткин и знал о 1-й армии Куроки и ее подходе к своему левому флангу, но, в противоречие своим соображениям, 27 мая 1904 г. приказал генералу барону Штакельбергу сосредоточить Первый Сибирский армейский корпус, которым командовал Штакельберг, вокруг деревушки Вафангоу. Куропаткин отправил Штакельберга на юг с инструкцией найти и быстро и энергично атаковать японские силы, движущиеся на север (2-я армия Оку), с конечной целью освобождения Порт-Артура. Но, как будто желая выразить свое неудовольствие и сохранить ту неразбериху, которая царила в верховном командовании российских сил, Куропаткин также связал Штакельбергу руки, включив в приказ дополнительные инструкции избегать столкновения с превосходящими силами и не использовать резервы, пока ситуация совершенно не прояснится и не станет ясно, что победа достижима²¹. Приказы, смысл которых неясен – путь к неразберихе, и инструкции Куропаткина способствовали тому, что Штакельберг терял решимость и прекращал бой, если становилось жарко, и отсюда пошла та тревожащая тенденция, которая характеризует военные действия России в 1904–1905 гг. Начиная с командующего Маньчжурской армией и далее, военачальники не хотели принимать твердые обязательства и рисковать своей репутацией. Напротив того, приказы и инструкции обычно составлялись так, что включали статьи, освобождающие издавшего приказ командира от ответственности в случае, если ситуация выходила из-под контроля, а вся ответственность перекладывалась на подчиненных. Если высшее командование действовало таким образом, то ничто не могло удержать весь офицерский корпус от аналогичных действий. Ситуация оказалась фатальной для всей армии, приученной только выполнять приказы и не приученной вовсе или в очень малой степени к проявлению собственной инициативы.

Тем не менее, решение было принято, и утром 28 мая Штакельберг развернул силы 24 батальонов и 96 орудий около деревни Вафангоу. Вторая армия Оку, состоявшая из 48 батальонов и 216 орудий, уже несколько отдохнувшая и отремонтировавшая технику после сражения под Няншаном, двигалась с целью захватить железную дорогу между Ляояном и Порт-Артуром²². С самого начала этой операции русские войска были обречены на поражение по целому ряду причин, начиная с неразберихи в верховном командовании, вызвавшей разделение линий подчинения и разногласия по конкретным действиям. Как позже жаловался Куропат-

кин, накануне, на протяжении и особенно после войны, русские воевали вслепую, не зная расположения своего врага. В результате этой нехватки информации тактической разведки Штакельберг и его подчиненные начали сражение без ясного понимания расположения японцев.

Сражение под Вафангоу разворачивалось вдоль фронта в двенадцать километров на холмистой местности, при этом русские окопались на позиции вдоль железной дороги. Непрерывная артиллерийская дуэль продемонстрировала явное преимущество японской армии. Русские войска в начале сражения заняли оборонительную позицию, японские продемонстрировали мастерство маневра. Открытое сражение началось утром 1 июня 1904 г., когда японская армия приблизилась тремя колоннами к русской. Русская артиллерия обрушила на японцев огонь, тем самым открывая свои позиции для контрудара противника, но самое главное, создав у русских такую неразбериху, что они совершенно проглядели движение четвертой японской колонны, охватывавшей правый фланг Штакельберга. Несмотря на сражение вслепую, русские выдержали сильную артиллерийскую атаку и энергичный натиск японцев на левый фланг после полудня 1 июня 1904 г.

Положение достигло кульминации ночью с 1 на 2 июня. Все еще не зная о расположении 4-й колонны, но воодушевленный состоянием войск перед закатом, Штакельберг приказал командиру 1-й восточносибирской дивизии генералу А.А. Гернгроссу, контролировавшему сектор к востоку от железной дороги, развернуть 12 батальонов под своей командой против правого фланга Оку и пробиться в центр японских войск. Для усиления атаки Гернгросса Штакельберг приказал генералу Ф.Ф. Гласко, командующему общим резервом в восемь батальонов, вступить в сражение утром. Итак, Гернгросс получил возможность использовать резерв Гласко, чтобы прорвать линии японцев при Вафангоу²³. Но использование резерва зависело от двух факторов: Гернгросс и Гласко должны были поддерживать быструю и четкую связь, или же Гласко должен был иметь храбрость ввязаться в сражение. Однако принятие ответственных решений, в результате которых выигрываются или проигрываются сражения, должно основываться на хороших данных разведки, которых мучительно не хватало на всех уровнях командования императорской армии.

Так началась долгая ночь с 1 на 2 июня, в течение которой в императорской армии царила неразбериха, пока она готовилась к контрудару для отражения японского наступления. По-прежнему страдая от недостатка разведанных и по-прежнему не зная, что его позиция охватывается с фланга, Штакельберг провел всю ночь, рассылая приказы командирам всех соединений, советуя им взаимодействовать с Гернгроссом по мере наступления утра. Казалось, что смысл был понятен всем сторонам, за исключением одной, но самой важной, а именно – генерала Глас-

ко²⁴. Когда наступил рассвет, Гласко и его резерв не обнаружились, и хотя сначала Гернгросс держался своей линии и казалось, что успех сражения начал склоняться к нему, но к середине дня охватывающий маневр Оку принес успех, и Штакельберг наконец понял, что маневр японцев был лучше его маневра. Противник достиг его тыла, и единственным остающимся способом действий было отдать приказ ко всеобщему отступлению южного отряда, чтобы сохранить возможность сражаться на следующий день.

Сильный дождь после полудня смягчил ситуацию, поскольку японцы не стали преследовать русских, отступавших с поля боя. Русские изо всех сил старались преуменьшить значение поражения, но психологически сражение под Вафангоу стало важной поворотной точкой в русско-японской войне. Решающая победа 2 июня 1904 г. позволила японцам начать наступление. Русские отступали на север в силу неспособности главнокомандующего ясно сформулировать приказы и низкопробного оперативного поведения на уровне корпусов и полков вследствие плохой разведки и проблем со связью. Хотя Куропаткин спланировал и провел еще несколько сражений в течение лета и осени 1904 г., отступление на север не прекратилось до весны 1905 г. после поражения под Мукденом. В середине маньчжурской маневровой войны Порт-Артур не выдержал осады и сдался японцам 20 декабря 1904 г.²⁵. Стратегический паралич, вызванный отсутствием твердого принятия решений на всех уровнях, начиная с царя и, что важнее для сражения под Вафангоу, начиная с расхождений между Куропаткиным и Алексеевым, подорвал военные действия России уже с самого верха. Способность к сбору информации в русской армии, сама по себе бывшая крайне слабой, дополнительно ухудшилась, поскольку местное население отказывалось сотрудничать с отступающей армией из страха перед скорым приходом японцев²⁶. Еще более важно то, что в рядах русской армии начало распространяться пораженческое настроение, которое в конечном счете охватило весь личный состав и выплеснулось в общество.

В чем причина слабости русской армии? На этот вопрос следовало ответить немедленно после поражения под Вафангоу. Начиная с момента поражения в июне 1904 до начала Первой мировой войны, этот вопрос горячо обсуждался в военных и политических кругах со ссылкой именно на это самое сражение. Ясно, что серьезные структурные проблемы имели исток в царском правительстве, и его отношение к верховному командованию армии подорвало оперативную инициативу. Сражение под Вафангоу обнаружило неконструктивный характер военного руководства России²⁷. Но в тот момент, когда армия сражалась с неприятелем на Дальнем Востоке, царь, Куропаткин и верховные военачаль-

ники либо сознательно игнорировали трудности, поскольку мало что могли сделать, либо бессознательно уступали неверию в возможности вооруженных сил.

В оперативном контексте сражение под Вафангоу показало ту слабость, которая будет одолевать армию в течение всей Маньчжурской кампании и на полях Первой мировой войны. Помимо всего прочего, армия очень плохо справлялась с задачами рекогносцировки и осуществления коммуникаций. В течение сражения Штакельберг не знал диспозицию японцев и не смог обнаружить развивающуюся операцию по охвату, пока неприятель не появился в тылу его армии. Эта слепота торжествовала, несмотря на то, что у Штакельберга в распоряжении было 17 эскадронов кавалерии и 7 сотен казаков²⁸. Куропаткин обвинял в этом недостатке разведанных кавалерию с ее нежеланием модернизироваться. Вместо того чтобы служить наступательной силой, используемой против побеждаемого врага в кульминационный момент сражения, современная кавалерия стала нужна для обеспечения тактической разведки армии и предотвращения слепоты на поле боя²⁹.

Другим решающим фактором в поражении русской армии ночью 1–2 июня стал разрыв коммуникаций. Большая часть литературы об этом сражении, аналитической и мемуарной, упоминает этот момент и обычно обвиняет в поражении одного из участников³⁰. Вероятно, наиболее информативными среди посвященной этому событию мемуарной литературы являются воспоминания Е.И.Мартынова, командира 140-го пехотного полка, прикомандированного к резервам Гласко ночью 1–2 июня. Мартынов описывает ситуацию, когда Гласко ожидал конкретных приказов от Штакельберга, которые сначала не поступали, а потом не способствовали прояснению ситуации. Описывая свой гнев, Мартынов утверждает, что он лично предложил Гласко отправить офицера Главного Штаба к Гернгроссу и Штакельбергу с требованием конкретных приказов. В силу отсутствия современных средств связи, Гласко ждал всю ночь, перед тем как отправить в штаб-квартиру полковника Запольского, который, по Мартынову, чудесным образом возвратился в течение часа с письменным приказом Штакельберга к Гласко немедленно отправить резервы на помощь начатому Гернгроссом наступлению. Однако задержки, вызванные неясностью ситуации и отсутствием инициативы у Гласко, заставили Гернгросса подстраиваться под события, и никакая штабная работа не могла исправить положения ни во время, ни после сражения³¹.

Мартынов заключает раздел о сражении под Вафангоу комментарием насчет артиллерийского огня высокой интенсивности, который обеим сторонам приходилось выдерживать в течение всего сражения. Хотя русская армия эффективно модернизировала свой артиллерийский кор-

пус и получила на вооружение скорострельные орудия, старшие командиры этого высокоспециализированного подразделения отказывались от модернизации на тактическом уровне, и в сражении под Вафангоу им пришлось заплатить за это³². После событий 1–2 июня 1904 г. главным вопросом в артиллерийском корпусе стал вопрос о маскировке позиций. Вывод тяжелых орудий на позицию и затем открытие огня приводили к большим потерям, поскольку стрельба открывала позиции эффективно-му ответному огню³³.

Проблемы артиллерии, также как и кавалерии, активно решались и во многом были разрешены к концу лета 1904 г. По настойчивому требованию Куропаткина (как писал подполковник А.Г. Пашенко) немедленно после сражения под Вафангоу были проведены следующие реформы: открытые позиции являются устаревшими; позиции должны выбираться самими артиллеристами; пушки всегда должны быть окопаны и огонь должен контролироваться артиллерийским командиром, у которого должны быть телефоны, сигнальщики и т.д.; каждой батарее выделяется своя зона, которую она должна подробно изучить и в которой нужно взять углы гониометра на все сколько-нибудь значимые точки; дальность стрельбы должна быть определена; у каждой батареи должен быть фланговый наблюдатель³⁴. Таким образом, в разгар военных действий личный состав артиллерии прошел переподготовку. Куропаткин перехватил инициативу в отношении к артиллерии и получил поддержку офицеров штаба, переписавших руководство по использованию артиллерии в бою. В результате этих действий, в первую очередь после обучения маскировке орудий, артиллерийский огонь улучшился, и эти важные уроки использовались позднее, при развертывании орудий в Первую мировую войну³⁵.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то, что Куропаткин смог быстро изменить методы использования тяжелой артиллерии в русской армии, эта реформа не смогла улучшить общего функционирования армии. На тактическом уровне проблема плохих коммуникаций и крайне слабого сбора разведанных обрекала русскую армию на поражение. В большей части отчетов, написанных военными наблюдателями других стран, также была отмечена эта сторона операций русской армии. В этих документах проблема описывалась как широко распространенная и связывалась с социальным раслоением и методами обучения в армии. Солдаты и офицеры не общались ни в каком плане, и поэтому отношения не строились на основе

доверия. В результате, информация не шла вверх и вниз по цепи командования армии. Более того, всем русским не хватало инициативы, будь то солдаты-призывники или профессиональные офицеры: если не было приказов, они ничего не делали. Эта армия не реагировала на звуки битвы. Так, Гласко боялся проявить инициативу без прямого приказа, или, что было столь же катастрофично, солдаты, оторвавшиеся от своих подразделений или потерявшие офицеров на поле боя, обычно садились, начинали пить чай и курить сигареты, ожидая решения своей судьбы.

Куропаткинская стратегия откладывания столкновения с врагом вплоть до достижения численного превосходства над японцами оказалась непригодной. Русские войска достигли численного превосходства к середине августа, к моменту битвы под Ляояном. Оценки сил, сошедшихся под Ляояном, разнятся в зависимости от источников, но, по самым оптимистичным оценкам, у России было 158000 человек в 155 пехотных батальонах и 141 кавалерийском эскадроне и 483 орудия, в то время как у японцев было 125000 человек в 115 пехотных батальонах и 33 кавалерийских эскадронах и 170 орудий³⁶. Хотя у русской армии наконец было явное превосходство в пехоте, кавалерии и числе орудий, армия не смогла выиграть сражение под Ляояном. В силу недостатков тактической разведки и сбоя коммуникации русские воевали вслепую, а японцы превзошли их в маневрировании. И опять, как и после сражения под Вафангоу, японцы не смогли окружить и разбить царскую армию, а Куропаткин приказал своим силам отступать в сторону Мукдена. Этот сценарий повторился еще раз на реке Шахэ в октябре, при Сандепу в феврале и при Мукдене вскоре после того. После повторных поражений Куропаткин наконец был отставлен от командования в начале марта 1905 г., его армия была разбита, а его репутация – уничтожена.

В период между окончанием Русско-японской войны и началом Первой мировой лучшие и самые талантливые русские военные специалисты руководили интенсивной работой по анализу и реформированию армии. Их работа ясно показала те оперативные недостатки, которые в своей монографии отметил А.А. Свечин. Большие усилия были направлены на улучшение сбора разведанных и коммуникации в армии во время ежегодных учений и военных игр. Но независимо от упорства профессиональных военных, старавшихся исправить недостатки армии, события, приведшие к началу войны, продемонстрировали, что Николай II и его военачальники продолжали обсуждать вопросы большой стратегии по мере того, как шло развертывание войск, и отсюда проистекает приказ царя провести частичную мобилизацию в начале войны, обстоятельство, которое ни разу до сих пор не рассматривалось. Более того, тактическая разведка могла бы предотвратить уничтожение 2-й армии Самсонова, а надежные коммуникации

могли бы по крайней мере затруднить успешные действия немецкой армии в августе 1914 г. в Восточной Пруссии. Стратегический паралич, охвативший военное и политическое руководство России в месяцы накануне сражения под Вафангоу, и оперативные недостатки, которые стали понятны во время и после событий мая–июня 1904 г., не могли быть исправлены никакими реформами и явно продемонстрировали недостатки военной организации царской России начала XX века.

Перевод с английского В.Б.Литвинова

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Свечин А.А.* Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней. М.-Л., 1927–1928. С. 409–410. Последующие исследования включают также: *Richard Connaughton.* The War of the Rising Sun and Tumbling Bear. London, 1988; *Denis & Peggy Warner.* The Tide at Sunrise. New York, 1974; *J.N. Westwood.* Russia Against Japan, 1904–1905. New York, 1986. См. также: *Bruce Menning.* Bayonets Before Bullets: The Imperial Russian Army, 1861–1914. Bloomington, IN, 1992. Pp. 152–200; *David Schimmelpenninck van der Oye.* The Russo-Japanese War, // *F.W.Kagan and R. Higham, eds.,* The Military History of Tsarist Russia. New York, 2002. Pp. 183–203.

2 В русско-японскую войну произошло семь важных сухопутных сражений: сражение при Ялу, при Няншане (в русской традиции – при Цзиньчжоу. – *Прим. ред.*), Вафангоу, Ляояне, Шахо, Сандепу и Мукдене.

3 Все даты приводятся по старому стилю (юлианскому календарю).

4 Полковник Луи Мулен, французский военный атташе в Санкт-Петербурге, служил в России с 1880-х гг. и был близок к царю и многим членам высшего командования армии. Его отчеты дают порой самое глубокое понимание русской армии рассматриваемого периода. Он сообщает, что Куропаткин признался ему еще в начале 1900-х гг. в том, что ему хотелось достичь еще одной цели в своей военной карьере: он хотел командовать всей Российской Армией и привести ее к победе в крупном конфликте.

См. Service Historique de l'armée de Terre (Paris, Vincennes) депеша № 1818, Российские большие маневры в 1900. Пример обычного восприятия Куропаткина как главнокомандующего см. в: Главнокомандующий Маньчжурской армии генерал Куропаткин. М., 1904.

5 Эти приказы были озаглавлены: «Положение о полевом управлении войск в военное время». В них оговорено, что верховным главнокомандующим полевой армии в военное время является царь или его личный представитель. Командование в отдельных армиях должно представлять тот округ, в котором они обучались перед войной. Другими словами, намерение было таково, чтобы командир военного округа и его штаб, обычно из областей непосредственно входящих или граничащих с театром операций, сохранились полностью при передвижении подчиненных частей из мирного тыла на линию фронта.

6 Конфликт между Алексеевым и Куропаткиным отражает не только их личную неприязнь, но и раздробленную природу правления при Николае II. Политические и военные руководители функционировали в среде, где неподчинение стало институтом правления. Подробно о функционировании императорского правительства, в том числе о роли клики Безобразова см. в: *David M. McDonald.* United Government and Foreign Policy in Russia 1900–1914. Cambridge, MA, 1992. Последняя работа о влия-

нии раздробленного правительства царя на управление дальним Востоком см. в: *David Wolff. To the Harbin Station: The Liberal Alternative in Russian Manchuria, 1898–1914.* Stanford, 1999. chapter 2.

7 Высокопрофессиональная военно-морская история с обширным описанием осады Порт-Артура находится в: Sir Julian S. Corbett's *comprehensive Maritime Operations in the Russo-Japanese War, 1904–1905*, Annapolis, MD, 1994, 2 V. (Naval Institute Press переиздал это исследование).

8 «Краткий очерк» Куропаткина начинается стратегическим планом на случай войны на Дальнем Востоке от ноября 1903 г. См. также: *Русско-японская война. Т. 1. С. 190–195.*

9 Сравнение поведения Куропаткина на поле боя с планированием и организацией военных действий Наполеоном – постоянная тема во всей литературе о русско-японской войне, особенно мемуарной. Мемуары генерала Геруа мне представляются наиболее емкими во всей этой литературе. См.: *Б.В. Воспоминания о моей жизни.* Париж, 1970. Т.I. С. 155–165. Конечно, Куропаткин мог планировать, как Наполеон, но когда наступал решающий момент сражения, оказывалось, что он не имеет ничего общего с императором Франции. Систематический анализ промахов Куропаткина как командующего см. в: *Керсновский А.А. История русской армии. М., 1994. Т. III. С. 96–102* (Первое издание: Белград, 1935).

10 См.: *Соболев Л.Н. Куропаткинская стратегия.* СПб., 1910. Критика куропаткинской стратегии у Соболева была типичной для периода после окончания Японской войны. Большинство критиков обвиняло Куропаткина в отсутствии воли к бою с противником в решающие моменты.

11 Мое описание начальной фазы войны основано на: *Свечин А.А. Русско-японская война 1904–1905 гг.* СПб., 1910. С. 1–116. Английскую версию см. в: *Menning. Vauopet Before Bullets, Chapter 5.*

12 *Свечин. С. 53–58.*

13 Дальний был расположен примерно в 30 милях к северо-востоку от Порт-Артура и развивался как коммерческий порт. Непосредственно перед началом войны на эту тему шли споры, так как Куропаткин пытался

всех убедить в том, что если порт развился в интересах коммерции, то военные должны защищать его. Результатом дурного планирования, которое привело к возникновению второго порта на Ляодунском полуострове, стало отвлечение военных ресурсов на защиту второго русского порта в Дальнем. См.: *Куропаткин. Русская армия.* Т.I. С. 172, и А.Н. Burne, *The Liao-Yang Campaign,* London, 1936, p. 11.

14 Краткое, но ясное описание этого сражения см. в: *Menning. Vauopets Before Bullets,* pp. 158–160. Также существуют два очень важных воспоминания об этом сражении: *Tretiakov N.A. My Experiences at Nan Shan and Port Arthur with the Fifth East Siberian Rifles.* Trans. A.C. Alford. London, 1911; *Tadayoshi Sakurai. Human Bullets (Nikudan): A Soldier's Story of Port Arthur.* Trans. Masujiro Hondo and Alice Becon. Tokyo, 1907.

15 Недавнее глубокое исследование Порт-Артура, его места в фортификационном деле XX века и его судьбе в Русско-японской войне см. в: *Яковлев В.В. История крепостей: эволюция долговременной фортификации.* СПб., 1995. С. 207–230.

16 Куропаткин объяснял эти опасения в своей книге «Русская армия и Японская война» (Т.II. С. 35–40).

17 Необходимо отметить, что расхождения в отношении стратегических вариантов были важнее служебного соперничества. Начальником штаба Алексева и человеком, часто описываемым как автор идей Алексева, был генерал Я.Г. Жилинский, позднее начальник штаба и командир Северо-Западного фронта в августе 1914 г. Он настаивал на том, что Куропаткин должен атаковать 2-ю армию Оку на юге или 1-ю армию Куроки на востоке. Политическую расстановку сил в Ставке см. в: *Керсновский. История русской армии. Т.III. С. 59–66.*

18 Наиболее полное собрание телеграмм и депеш с акцентом на конфликте мнений и отношений в верховном командовании русской армии на ранней стадии войны: *Guerre Russo-Japonaise 1904–1905 Historique Rediger à l'Etat-Major-Général de l'Armée Russe.* Paris, 1909, V.2.

19 Собрание телеграмм, отправленных из Маньчжурии в Санкт-Петербург, с акцентом

- на взглядах Алексеева и Куропаткина, находится в: Поворинский, капитан. Бой под Вафангоу. Харбин, 1906. С. 17–24.
- 20 Куропаткин А.Н. Краткий очерк обстановки Русско-японской войны до Мукденских боев включительно. Б/м, б/д. С. 13.
- 21 Я реконструировал эти инструкции по двум источникам: *Сапожников*, капитан. Бой под Вафангоу // Военный сборник. 1907. № 5. С. 35–39 (Сапожников был старшим адъютантом в 1-м Сибирском армейском корпусе); *Сурнин*, штаб-капитан. Операции 1-го Сибирского арм[ейского] корпуса по охране побережья Ляодунского полуострова и его движение для выручки Порт-Артура. Вафангоуский бой // Общество ревнителей военных знаний. 1908. № 2. С. 130–138.
- 22 Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны // Русско-японская война 1904–1905 гг. СПб, 1910. Т. II. С. 24–25.
- 23 Общая диспозиция русских войск в этом сражении ясно описана в: *Сапожников*, капитан. Бой под Вафангоу // Военный сборник. 1907. № 5. С. 39–40.
- 24 Деятельность Штапельберга в этот момент сражения, возможно, лучше всего описана в: *Комаров*, полковник. Бой под Вафангоу // Русско-японская война в сообщениях в Николаевской Академии Генерального штаба / А.К. Баев, ред. Т. I. СПб., 1906. С. 45–47.
- 25 См. *Menning*, pp. 160–171.
- 26 Об отношении коренного населения, особенно в период, немедленно последовавший за сражением под Вафангоу, см.: *Douglas Story*. The Campaign with Kurapatkin, Philadelphia, 1905. pp. 155–158. Хотя этот вопрос относится к области стратегической, а не тактической разведки, неспособность русских понять отношение местного населения на театре операций была одним из основных факторов их поражения в русско-японской войне. Отличная подборка документов, дающая понимание вопросов стратегической разведки, дается в: *Деревянко И.В., Д.Б. Павлов* (ред.). Тайны Русско-японской войны. Москва, 1992.
- 27 Все основные державы послали на Маньчжурский театр наблюдателей, кото-
- рые подробно рапортовали о своем опыте. Эти донесения опубликованы в следующих сборниках: Committee of Imperial Defence Historical Section, Official History, Naval and Military, of the Russo-Japanese War. Vol I-III. London, 1910–1920; German General Staff Historical Section, The Russo-Japanese War. Vols I-IX. London, 1909, translated by Karl von Donat; Great Britain, War Office, Reports from British Officers attached to the Japanese and Russian Forces in the Field. Vols I-V, London, 1908; United States, War Department, General Staff, Office of the Chief of Staff, Second (Military Information Division). Reports of Military Observers Attached to the Armies in Manchuria during the Russo-Japanese War. 5 parts. Washington, DC, 1906–1907. Хотя я не рассматриваю подробно Японию, но был опубликован официальный японский рапорт: *M. Kimai*. ed. Official Report of the Russo-Japanese War. Vols I–II, London, 1905. Наконец, читателю полезно обратиться к работе в *John T. Greenwood*, «The American Military Observers of the Russo-Japanese War (1904–1905),» Ph.D. Dissertation, Kansas State University, 1971 для получения пронизательного анализа и всестороннего исследования работы военных наблюдателей в прошлом, и особенно американских наблюдателей на Дальнем Востоке в начале XX века.
- 28 См.: *Фон Ланг П.* Бой под Вафангоу. Варшава, 1909. С. 8.
- 29 Русские очень неохотно принимали современные вооружения, превращавшие кавалерию в анахронизм. Трудно найти в современной литературе поддержку взглядам Куропаткина на использование кавалерии в бою. Пример укоренившейся оппозиции идеям реформирования кавалерии см.: *Федор Гершельман*. Кавалерия в войнах XX века. СПб., 1908. Признавая, что кавалерия должна играть роль в рекогносцировке, Гершельман полагал, что она должна сохранять автономию в сражении и контролировать новые пулеметные соединения.
- 30 Вся литература на русском языке, цитировавшаяся выше, так или иначе обвиняет в поражении под Вафангоу генерала Гласко. В самой доброжелательной оценке Гласко отмечается его медлительность в реагировании на ситуацию, но далее следует замечание, что это было типично для операций

ДЖОН СТЕЙНБЕРГ

русской армии. См. *Раши Н. Вафангоу* // Сборник систематических сообщений по истории Русско-японской войны. Т. I. Вильна, 1908. С. 129–130.

31 См. полное изложение событий под Вафангоу у Мартынова в: *Мартынов Е.И.* Воспоминания о Японской войне командира пехотного полка. Полоцк, 1910. С. 69–83.

32 Ужасное отношение высших офицеров артиллерии см. в: *Charles Ross.* An Outline of the Russo-Japanese War, 1904–1905. London, 1912. pp. 200–201.

33 *Lt. Co. Belaev.* Notes upon Russian Artillery Tactics in the War of 1904–1905 with Conclusions Drawn Therefrom. A translation from the Russian Artillery Journal. London, General Staff, War Office, 1907.

34 *Там же.* С. 43.

35 Хотелось бы добавить, что русские, наряду со всеми европейскими армиями, не смогли учесть ту скорость, с которой скорострельная артиллерия потребляет боеприпасы. Хорошее описание эволюции артиллерийской тактики в этом конфликте см. в: *Captain A. Degtyarev.* Notes upon Company and Battalion Tactics and the Employment of Artillery in Battle based on the Experiences of the Russo-Japanese War of 1904–1905. A translation for Voennyi sbornik. London, General Staff, War Office, 1907.

36 См. *Menning.* Bayonet Before Bullets, p. 175.

37 *Там же.* С. 200–279.

38 Лучший анализ начала Первой мировой войны на восточном фронте см. в: *Dennis Showalter.* Tannenberg: Clash of Empires. Hamden, CT, 1991.